

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Цуй Лу
на тему: «Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской
дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

В центре внимания диссертационного исследования Цуй Лу – «китайский текст» литературы эмиграции, через который реконструируется поэтическая модель мира русского зарубежья: раскрываются особенности и генезис поэзии русской дальневосточной диаспоры и определяющийся этим текстом эмигрантский миф. Устанавливая взаимосвязь между «китайским текстом» и эмигрантским мифом, диссертант фокусирует внимание на рецепции культуры Китая русскими поэтами-эмигрантами, что позволяет выявить и описать семантические комплексы, определяющие «китайский текст» русской дальневосточной эмиграции. Следует отметить продуктивность предложенного в диссертации подхода: Цуй Лу обращается не только к поэтическим текстам, но и к биографическим материалам и, опираясь на предложенную О.Р. Демидовой концепцию эмигрантского мифа, проводит глубокий анализ функционирования данного мифа в поэзии дальневосточного зарубежья. Новизной отличается материал исследования: в поле зрения попадают не только известные представители дальневосточной диаспоры (А. Несмелов, В. Перелешин, Вс. Н. Иванов), но и малоизученные поэты (В. Март, В. Янковская, М. Щербаков). Автор ставит перед собой важные задачи: определить границы «китайского текста», раскрыть его мотивно-образную и мифологическую структуру, прояснить смысловые оппозиции («Россия – Китай», «Запад – Восток», «свой – чужой», «прошлое – настоящее», «бессмертие – смерть» и т.п.). Интересна сама интерпретация «китайского текста» в поэзии дальневосточной диаспоры – как «нового пространства реальности и духовного бытия» в условиях эмиграции (с. 13). Логика рассмотрения «китайского текста» литературы русской эмиграции, реализованная в трех главах диссертационного исследования, ведет от создания эмигрантского мифа через его трансформацию и поиск новой реальности к «диалогу и синтезу культур Востока и Запада» и к обретению поэтами-эмигрантами «новой идентичности».

Весьма многое в работе является принципиально значимыми достижениями диссертанта. Цуй Лу ставит перед собой ряд сложных задач, решение которых позволяет описать ментальный ландшафт русской дальневосточной эмиграции. Творчество отдельного поэта или писателя всегда вписано в историко-культурный контекст,

поэтому вполне закономерно обращение в первой главе диссертации к миру повседневности Китая как к тексту культуры. Цуй Лу связывает эмигрантский миф с мифологией, присущей культурному пространству Харбина, центра дальневосточной эмиграции, и детально рассматривает становление харбинского мифа, в котором особым смыслом обладает оппозиция культуры и природы, прочерчивая связи между его составляющими – мифологемами космоса и хаоса. Вдумчивый пошаговый анализ позволяет соискателю сделать много интересных наблюдений, в частности, установить аналогию «Харбин – новый Петербург», отсылающую к петербургскому эсхатологическому мифу, и увидеть в Харбине «последний оазис» русской культуры, в котором актуализируется оппозиция прошлого и настоящего. Цуй Лу показывает, как культурное пространство Харбина прочитывается через коды русской культуры, как Харбину сообщаются черты «петербургского текста», что в результате и заводит русских поэтов-эмигрантов в экзистенциальный тупик. Использование имагологического подхода позволяет раскрыть восприятие Китая русскими поэтами как пространства «чужого», что, в частности, нашло выражение в их поэзии в мотивах отчуждения и отчаяния. В работе много разнообразных «находок» и тонких наблюдений над поэтическим образом – об отчаянии «маленького человека», о Китае как о «ласковой мачехе» и «нежной возлюбленной» (с. 40) и т.п. Цуй Лу рассматривает поиск идентичности русскими поэтами-эмигрантами как способ преодоления травмы изгнания и стремится выяснить, какие способы выстраивания взаимоотношений с бытом и культурой Китая при этом использовались. Надо отметить, что соискателю это удалось.

Интересны, на мой взгляд, разделы второй главы, рассматривающие мотив возвращения и мифологему пути в поэзии М. Щербакова, эксплуатировавшего миф об Одиссее и активно использовавшего образы китайской мифологии, а также обсуждение реализации темы Востока в поэзии Вс. Н. Иванова, находившегося под сильным влиянием идей Н. Рериха. Не менее интересен раздел, посвященный поэзии В. Марта, для которого важной оказалась не оппозиция «свой – чужой», а оппозиция «смерть – бессмертие». На примере поэзии четырех авторов – М. Щербакова, Вс. Н. Иванова, В. Марта, В. Янковской – Цуй Лу убедительно доказывает наличие авторской установки на поиск на Востоке новой духовности, сглаживание оппозиции «Я – чужой» вплоть до ее снятия, а также приобщение дальневосточных поэтов к китайской духовной традиции и формирование в их творчестве мифа о древнем и вечном Китае.

В третьей главе, посвященной синтезу культур Востока и Запада, Цуй Лу обращается к творчеству поэта-переводчика В. Перелешина, считавшего себя единственным настоящим акмеистом на Дальнем Востоке. В этой главе диссертации

особо ценными предстают наблюдения над осмыслением традиционных символов восточной культуры в статьях и стихах Перелешина, например, национального музыкального инструмента, китайского сада, а также над реминисценциями из китайской классической поэзии эпохи Тан Ли Бо. Прделанный диссертантом анализ материала отличается глубиной, изяществом и дает богатый материал для выводов. Диссертант приходит к заключению, что в поэзии Перелешина нашли одновременно воплощение идеи буддизма и концепция всеединства Владимира Соловьева и что Перелешин, преодолевший «наивный ориентализм», не только обыгрывал буддийские мотивы в стихах, но и стремился к глубокому философскому осмыслению буддизма.

В Заключении диссертации Цуй Лу приходит к значимому выводу о том, что «китайский текст» – это не только «сверхтекстовое единство, тематически связанное с культурным представлением о Китае», но и «духовная реальность сознания», «открытие себя в «чужой» культуре» (с. 147). В целом следует отметить выстроенность концептуальной канвы диссертации, широту обзора, тонкость наблюдений, убедительность многих интерпретаций, проникновение в глубины восприятия китайской культуры представителями русской диаспоры в Китае.

Наряду с несомненными достоинствами в диссертации есть несколько дискуссионных моментов. Так, Цуй Лу утверждает, что «под воздействием представлений о закрытости Харбина и его сходстве с дореволюционной Россией» (с. 25) в сознании поэтов-эмигрантов Харбин вписался в новую мифологическую парадигму оазис/остров. Однако в ментальном ландшафте эмиграции остров – это универсальная устойчивая мифологема. Замкнутое пространство острова в эмигрантской литературе либо соотносится с покинутым пространством (родиной) и представляет собой ретроспективное видение, либо – реже – антиципирует пространство нового (или идеального) места обитания. В данном случае интерес представляет совмещение мифологем острова и оазиса, цветущего сада, вызывающего ассоциации как с райским садом, так и с «Дневником писателя» Достоевского, согласно которому, «Человечество обновится в Саду и Садам выправится», а также развитие семантики фронта, чуждое русской эмиграции в Европе. Отметим также, что мотив опиумокурения и образ китайца, курильщика опиума, в поэзии дальневосточной эмиграции возникает не только в результате обращения к повседневной жизни Китая, но и является воспроизведением стереотипов, характерных для западноевропейской литературы данного периода.

Обращает на себя внимание, что Цуй Лу избегает систематизации конституирующих элементов «китайского текста» в проекции на «петербургский текст», который – в отличие от «китайского» – достаточно детально и системно описан.

Рассматривая творчество Перелешина, диссертант предпочитает не углубляться в обсуждение своеобразия интерпретации буддизма Владимиром Соловьевым и, соответственно, в различие между восприятием буддизма и восприятием буддизма «соловьевского толка». Добавим, что отмеченное диссертантом противопоставление древности и вечности Китая «новизне» западной цивилизации является более сложным, нагружаясь в «китайском тексте» дополнительными смыслами, связанными с отношением к вечности в буддизме.

Впрочем, высказанные соображения не снижают оценки диссертационного исследования Цуй Лу. Представленная к защите работа является ценным вкладом в дальнейшее изучение литературы эмиграции, в частности поэзии русской дальневосточной диаспоры. Это серьезное исследование, свидетельствующее о научной зрелости диссертанта. Достоверность научных результатов обеспечена теоретико-методологической базой исследования, доказательным анализом выбранных произведений поэтов-эмигрантов. Список использованной литературы обширен и включает 249 наименований. Основные положения и выводы диссертации получили отражение в публикациях автора по теме исследования.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что диссертация Цуй Лу на тему: «Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг.» представляет собой законченное научное исследование и соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Цуй Лу заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Бугаева Любовь Дмитриевна

10 мая 2021 года